

18+

АЛЕКСАНДР СМОЛИН

Проклятое поместье

ДРАМА

Александр Смолин

Проклятое поместье. ДРАМА

«Издательские решения»

Смолин А.

Проклятое поместье. ДРАМА / А. Смолин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964009-3

Старая графиня Трис Беладонна доживает свой век в заброшенном поместье, где время от времени происходят странные вещи, да и само время остановилось тут для всего живого. Дом пропитан воспоминаниями и призраками, которые приходят к героине по ночам. Больше всего на свете она боится смерти. Ведь час уже близок и Бледная леди идет за ее душой. В книге раскрывается тема страха перед неизвестностью и концом. Трис медленно сходит с ума и уже не отличает реального мира от вымышленного.

ISBN 978-5-44-964009-3

© Смолин А.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА 1 ЧАСЫ БЬЮТ РОВНО В ТРИ ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ	6
ГЛАВА 2 ЧТО-ТО ТЕМНОЕ ЗАТАИЛОСЬ ВОН ТАМ ЗА ОКНОМ	12
ГЛАВА 3 КУКЛЫ	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Проклятое поместье
ДРАМА
Александр Смолин

© Александр Смолин, 2021

ISBN 978-5-4496-4009-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1 ЧАСЫ БЬЮТ РОВНО В ТРИ ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

Все случилось, когда я гуляла в саду среди яблонь, в субботу. Себастиан наблюдал за мной из чердачного окна. В этом не было ничего необычного, потому что он часто наблюдал за мной из своего укрытия, и его лицо в тот осенний день было привычно печальным. Я не сразу обратила внимание, что не было лестницы, по которой он вылезал из окон, и не придавала значения глухому удару о землю у себя за спиной, но когда я обернулась чтобы проверить, что там стряслось, то увидела своего супруга под деревом распластанного, словно манекен. Его пальцы вонзались в грунт, а глаза преисполнились ужаса и стали похожи на кровавые впадины. Тело выгнулось в неестественную дугу, как будто кто-то тащил его за ногу.

Прижимаю ладонью рот и уже шепчу: «А затем он умер».

С минуты на минуту гробовщик по имени Кристоф привезет мне гроб, а пока я жду его приезда, то невольно оглядываюсь по сторонам, блуждая взглядом в рассветных сумерках подобно вспугнутой птице. Сиреневая дымка окутала яблоневые сады, а едва уловимые всполохи молний на горизонте уже предупреждают о приближении грозы. Как ни странно, но грозы в октябре для Гренвиля всегда были привычным явлением.

Кажется, солнце встает. Поднимается белым шаром из-за гряды полей и посадок, освещая холодным блеском заросшие тропинки моих владений, и в его свете, корявые яблони кажутся застигнутыми врасплох призраками блуждающими впотьмах. Сегодня солнце больше похоже на диск луны, такое белое, словно небесный прожектор на фоне черных туч. Оно поднимается в вышину, и исчезает, там, за кочевыми громадинами, оставляя Гренвиль лежать во мраке под проливным дождем. А я открываю зонт.

Никогда прежде я не ощущала себя такой одинокой, хотя это поместье и стало моей темницей еще полвека назад, год за годом, опутывая меня своими невидимыми плетениями и, высасывая последние силы из моих костей, я уже давно стала частью этой земли и земля поглотит нас. Но, что это?

А вот и он. Я уже вижу свет фар через толстые прутья ворот скрипящих на ветру подобно ржавой калитке, хлопающих и ревуших. У этих ворот характер вредной старухи. Пропуская машину внутрь, они захлопываются очередным порывом ветра, и теперь черный как ночь катафалк приближается к моему дому, продавливая колесами старинные плиты покрытые мхом.

Фары, сперва, ослепляют меня, и Кристофер, завидев мою ладонь у лица, приглушает их свет до терпимого, а вместе с ними и глушит мотор, и теперь я вижу его силуэт через лобовое стекло автомобиля, и ощущаю запах парящего бензина. Как же эти машины смердят горючим. Невольно шмыгая носом, я приближаюсь к нему, опускается водительское окошко, открывая взору бледное вытянутое лицо с длинным шрамом на щеке. Кристоф носит аккуратно постриженные усы, с виду сдержанный и молчаливый. Мое внимание привлекает жетон у него на шляпе с номером телефона похоронного бюро, по которому я звонила из единственной на всю округу телефонной будки.

– Госпожа Беладонна, его светлость готов к погребению. – Голос полон равнодушия, конечно же, с такой-то работой любой станет равнодушным... с покойниками не особо поговоришь. Зато он учел мои пожелания. В нашем мире уже никто не обращается к знати с почтением, но Кристофер знает, как угодить клиенту. Пунктуал и педант. Мне нравятся такие люди.

Яркая молния очертившая небо, засвечивает кузов катафалка, и через боковые окошки я вижу гроб... Боже! Он должен был повесить занавески...

Я не хочу смотреть на эту жалкую картину, как собственно и не желаю умирать... Мой муж, с которым я прожила всю жизнь, теперь лежит, в этом ящике... словно кукла.

Молния гаснет. И чернота скрывает от глаз этот ужас.

Не могу произнести ни слова. Жестом руки я приглашаю гробовщика за собой и иду впереди машины, опираясь на трость, чтобы не поскользнуться.

* * *

Кристофер – человек-лопата – ему не помеха ни дождь, ни снег. Пока он роет могилу, я смотрю на белую куклу в гробу.

– Бездушный мертвец, – слышу свой хриплый голос. – Ты и при жизни скупился на слова. Запер меня в комнате как собачонку. Лишил жизни женщины. Ты был самым близким человеком в этой дыре, и что же ты сделал, Себастиан? Разве ты спас меня из лап одиночества в те холодные вечера, когда ветки клена стучались в мое окно? Человек загадка – крыса, живущая на чердаке. Мое наказание... Черт бы тебя побрал, Себастиан, ты мог бы стать смыслом моей жизни, но вместо этого предпочел затворничество.

Одергиваюсь. Уж слишком крепко я вцепилась в стенку гроба, рискуя сломать запястье. Но прежде чем я отпущу ее, я прошепчу своему мужу кое-что в лицо:

– Пускай тебя сожрут черви, Себастиан... будь ты проклят за мою сломанную жизнь, – ладонью я прикрываю рот и отворачиваюсь.

Никто не увидит моих слез! Дождь умывает мое лицо.

* * *

Это раннее утро больше похоже на поздний вечер. Машина удаляется к воротам, а я, так и стою в бензиновом облаке дыма над камнем.

«Себастиан Джонатан Вереск. 1890 – 1974. Иди к свету...», – гласит надпись на могильной плите.

Вот и свобода от супружеских оков. Такая долгожданная. Но что изменилось? Разве в таком возрасте старуха может начать все заново? Минувшим летом мне исполнилось восемьдесят шесть лет. И сейчас, когда Себастиана не стало, я впервые испытываю настоящее одиночество. Одна. В окружении поместья, которое коммунальные службы мечтают сровнять с землей.

Повсюду гниль и вода, как и моя прошедшая жизнь... Я стара... и меня ждет могила... и гниль, гниль, гниль... а я не люблю гниль... Мир пожирает нас червивой пастью. Запирает под могильным камнем и оставляет лежать в земле, как опавшие сливы.

И снова дождь барабанит каплями по зонту и падает россыпью белых бус на прелые листья клена под землю – в царство жуков и червей.

И больше всего на свете я ненавижу червей.

Для меня уже нет места в этом мире и мне придется уйти в бездонную яму забвения вслед за мужем.

В раздумьях я сама не замечаю, как возвращаюсь к дому. Вот он – возвышается надо мной подобно исполину. Двух, а с торцов и трехэтажный особняк походит на серую глыбу, усеянную трещинами и покрытую мхом. С виду он кажется настолько древним, что ни один человек в здравом уме не отважится войти под его своды по доброй воле. Через разбитые окна ветер гуляет по этажам. Некогда белые колонны сейчас едва удерживают вес камня, потресканные от тяжести, обшарпанные и грязные. С крыши свисает кусками металлическая кровля, а на стенах длинными дорожками застыли полоски ржавчины.

– Поместье Де Беладонна.

Можно сказать, откровенно, что мой дом походит на склеп.

Я прожила здесь долгих шестьдесят лет.

Поверить не могу, что отдала жизнь этому скверному месту. Но так было не всегда.

Этот особняк мне дарила сама королева Елизавета Григоре Де Фарфор, и скажу вам, что она дарила его не безвозмездно. Я была ее лучшей подругой и самой доверенной фрейлиной при дворе. Здесь в глуши, собиралась вся королевская знать, втайне от посторонних глаз,

и самое главное, от короля, и происходило тут такое, какое не должно было покидать стен особняка ни при каких обстоятельствах.

Элиза воздвигла культ почитателей богини-блудницы – Сиси. В этих развратных оргиях участвовала вся благородная публика дам и господ. И, разумеется, кто-то должен был присматривать за Сахарным домиком – так называла его королева.

Выбор пал на меня. Элиза выдала меня замуж за королевского гвардейца, которому она доверяла больше других и дала мне титул графини Орлиянской, тем самым решив мою участь.

Я вижу просторный балкон с мраморными перилами, давно потускневшими от старости, местами с порушенными фигурными столбиками. Балкон прочно стоит на четырех колоннах и еще четыре возвышаются над ним, упираясь в треугольную бетонную крышу, закрывающую балкон от дождя. Я помню, как став новоиспеченной графиней осматривала с него свои владения, которые тогда походили на цветущий сад, а теперь?

Вы только взгляните на эти обглоданные кусты и корявые яблони, оранжерею с побитыми стеклами и погоревшее здание столовой... окружение превратилось в тлен вместе с домом. Вместе с домом постарела и я. Теперь он смотрит на меня своими мрачными окнами. А ведь когда-то давно в этих самых окнах гремели балы и лилась разношерстная музыка, пение, хохот и стоны, стоны, стоны – стены второго этажа пропитались стонами наслаждений развратной публики. Я слышу из окон мелодию давно забытого вальса. Я слышу ее даже сейчас.

Кажется, там, что-то мелькнуло. Что-то мелькнуло в окне.

Да, да, там, в самом деле, что-то есть... вон там... чуть правей балкона...

Быть может, Себастиан поднялся в бальный зал, наконец, одолев свои кошмары? О чем я говорю? Себастиан мертв. Нет... это не Себастиан...

Из окна на меня пристально смотрит тень человека. С недавних пор я вижу ее все чаще. Призрак юного наследника Мартеона. Воплотившийся голос совести.

– Я знаю, кто погубил тебя, принц.

И Тень отступает в глубину дома... словно черный паук.

Я помню ту ночь, 13 августа 1914 года. Когда при загадочных обстоятельствах наследник престола Мартеон Георг Де Вандюльбалд погиб на втором этаже бального зала, в возрасте шестнадцати лет, в самый разгар Сахарной ночи.

И его гибель стала началом моего долгого конца.

* * *

Парадный вход заперт с давних пор, поэтому я иду к двери черного хода, за которой скрывается моя комната. Когда-то давно она отводилась для слуг, носивших еду подносами из соседнего здания столовой, пока столовая не погорела. Давний пожар уничтожил там все. И иногда на закате я слышу мяуканье сгоревшего котенка. А однажды ночью я даже видела его зеленые глаза.

В последнее время призраков становится все больше. Они обступают меня, крадутся по дому, выглядывают из-за деревьев, выжидая момента, когда мой рассудок окончательно тронется и поплывет как льдина.

Мне с каждым днем все трудней им противостоять.

С приходом осени становится все холодней и мне нужно топить камин. Но я развожу огонь каждый вечер не только потому что холодает. Этот дом с приходом темноты говорит голосами воспоминаний.

Света здесь нет уже много лет. Ни о каком электричестве и речи идти не может – власти отключили его за неуплату, когда долгов по налогам на землю накопилось слишком много. Я наотрез отказалась платить хоть орлен. Они только и ждут моей смерти, чтобы сровнять тут все с землей и похоронить меня Трис Беладонну под обломками моего прошлого.

Но вот уж дудки!

Несмотря на горькую правду жизни, я все-таки борюсь. Я не могу представить, что лягу в землю к червям, и что они начнут выползать из своих нор на запах тухлого мяса. И некуда будет деться из гроба. Этот страх поселился в моем сознании с давних пор и теперь не дает мне покоя. Очень скоро Бледная леди придет на порог. И все что мне сейчас остается, только топить камин, чтобы отпугивать мрак до поры до времени.

* * *

Когда-то я была прекрасна, а сейчас стесняюсь показываться на людях. Я отвожу взгляд от зеркал, не в силах смириться с увядающей внешностью. Ноги не позволяют ходить дальше пределов поместья, а спина едва разгибается, стоит только нагнуться за тростью. Благо продукты привозит соседский мальчишка Марк, по доброте душевной, помогающий мне на старости лет, из которых я и готовлю себе, те немногие блюда, которым пришлось научиться за долгие годы жизни без слуг.

Сегодня я не дойду до кровати, я уже добрых полчаса дремлю в своем кресле-качалке, так сладко и глубоко, укрытая материнским пледом, что все невзгоды остаются позади. Я крепко сплю, такая же неделимая и мертвая, как все в этом доме, окутанная мраком комнаты, словно глубинным космосом мироздания, без страха или волнения, потому что меня заочно уже не существует.

* * *

Мне снится замечательный сон про вишни в саду и яркое летнее солнце. В его лучах на пруду плещаются лебеди. Что за чудесный сон?

Но безмятежный день моего сна сменяется кровавым закатом и вот уже с другого берега кто-то идет в мою сторону, и чем ближе он приближается, тем явственнее становится силуэт – израненный принц Мартеон. Он идет прямо ко мне. Я пытаюсь встать со скамейки, но из земли вырастают ветвистые корни и надежно опутывают мои ноги.

А принц все ближе! Рывками он приближается, словно, пытаясь прорваться через завесу миров, и над его головой опускается алое солнце, что тает кровью ему на китель. Принц смотрит на меня с укором. Теперь кровь льется и из его глаз.

Я вижу, как лебеди в пруду покрываются кровавыми пятнами, а затем они тонут.

Мне страшно.

– Они оставили меня здесь, – говорит мертвый принц. – Уехали в пыльную даль. Я не могу вернуться домой. – Его лицо переполняет злоба. Теперь он тянет мертвые руки к моему горлу, и голос мальчика сменяется басом чудовища: – Я мог бы стать королем, а ты убила меня! Ты убила меня!

Я вскакиваю с кресла, словно ужаленная пчелой.

Мой покой нарушают бьющие старинные часы.

– Я еще жива? – В последнее время, я задаю этот вопрос себе чаще.

Меня окружают немые тени, пляшущие на стенах в безумии... и пустота, которая переполняет дом холодным воздухом. Мне горько осознавать, что все стареет вокруг меня и рассыпается будто песок. В песок превращаются вещи, которыми я дорожила. В песок превращаюсь и я. А за окнами ночь. В лунном свете летают пылинки.

Тьма обнимает меня. Где-то под полом резвятся крысы.

Последние языки пламени доедают обугленные головешки сосны, и огонь может погаснуть в любой момент. Я спешно встаю с кресла в надежде подкинуть свежие чурки сосны, но резкий рывок приносит боль в пояснице и отдышку. На мгновение в комнате становится совсем темно, и я думаю, что исчезаю навеки. – Быть может, тьма унесет меня в царство мертвых. И рассветные сумерки застанут, только пустую комнату. Но вот стена света бежит от моих ног на мебель, а после и на потолок. Именно так является миру новорожденный огонь, приносящий с собой волну успокоения и самое главное – свет.

– Сегодня я победила тьму.

* * *

Я смотрю на часы в углу.

– Подарок на свадьбу от герцога Жарнера.

После смерти Себастиана, они стали исправно бить ровно в три пополуночи, в то самое время, когда погиб наследник престола Мартеон.

– Мартеон.

Я только что услышала крик на втором этаже и сейчас мой взгляд прикован к потолку, а страшные мысли сгущаются подобно тучам: «Кто может кричать в совершенно пустом доме в такой поздний час?»

Но ответ приходит сам собой: так может кричать только Тень.

– Помогите! Кто-нибудь, пожалуйста, помогите!

Эти жалобные крики готовы свести меня с ума. Я слышу, как стулья катаются по высохшему паркету наверху. Там. В пустоте бального зала окутанные мраком, они скользят и падают, цепляясь за трещины в полу.

– Я не испытываю к тебе жалости, Мартеон, – отвечаю я. – Ты обрел свой конец в моем доме... и загубил мне жизнь. Я непричастна к твоей гибели, юноша. Когда погасили свечи, я вышла на балкон.

А в ответ только крик.

* * *

Я ощущаю холод и гладкость лака.

– Совсем как новый и ни царапинки. Но, как же так? Пока все в доме старело, вы оставались нетронутыми, точно волшебные. Точно предмет не из мира сего.

Кто же вас создал такими? Чья рука искусного мастера поработала над изгибами дерева, над полировкой стекла и изящностью стрелок? Я замечаю, что стрелки застыли на месте – ровно на трех часах. «Время смерти Мартеона».

– Похоже, заклинил механизм. – Мои пальцы касаются стеклянного колпака, открывают его.

– Почини нас, – шепчут на ухо часы, – мы повелеваем временем.

Подушечки пальцев бережно прикасаются к цифрам заморского счета, скользят по поверхности циферблата, пока не находят защелку размером с булавочную головку. Я поддеваю ее ногтем, раздается приятный щелчок и циферблат открывается. Внутри я вижу сложный механизм шестеренок. Что-то мешает их свободному ходу.

Мне нужно сходить за вилкой.

Я поддеваю, на мой взгляд, застрявшую шестерню, и механизм частично приходит в действие, но еще не до конца. Работа еще не выполнена. Что-то подклинивает внутри.

– Ужасное существо, поселилось в нас, – снова заговаривают часы.

Теперь я открываю дверцу корпуса часов и вижу сердце деревянного стража – маятник, опутанный паутиной, а в центре – черный паук.

– Не беспокойся, старичок Харис, я постараюсь не потревожить твой сон. Мне нужно здесь только кое-что пошевелить.

Я осторожно касаюсь маятника, но старичок Харис все равно сбегает. Досадно. Я не хотела тревожить его покой. Надеюсь восьмипалый на меня не в обиде. Еще пара движений маятника рукой, пара воздействий вилок на шестерню и будто по мановению волшебной палочки – старый механизм приходит в движение.

И стрелки начинают идти.

– Спасибо... – отвечают часы. – Мы у тебя в долгу.

Комнату наполняет приятный звук тиканья, а я словно пробуждаюсь от чар.

Взволнованно осматриваюсь по сторонам.

Все тихо.

– Зачем я раскрыла часы? – С меня словно сходит наваждение.
Постойте...

Мое внимание привлекает странный предмет между шестеренок – эдакий маленький компактный футляр, который я тороплюсь достать.

Задумчиво опускаюсь в кресло и принимаюсь рассматривать находку.

Похоже, что футляр это часть часов – об этом говорит точно такой же лак на его поверхности. Быть может, секрет придумал сам мастер-часовщик для передачи тайных посланий между заговорщиками. А может и для тайных посланий королеве. Я не могу знать наверняка, но могу сказать одно: я должна его вскрыть и посмотреть что внутри.

Это может быть черная пустота или спрятанные украшения. Я тяну за веничек, и пробка выскакивает с негромким хлопком, и моему взору предстает белесый пергамент с запахом свежих чернил.

«Свежих?»

Значит, послание оставили недавно.

Я сяду поудобней, чтобы начать читать.

На пергамент капают мои слезы.

– Разве можно тебя простить? Разве можно тебя простить, сукин ты сын?!

Я слышу собственный вопль, как вопль израненной птицы.

– Ах ты чокнутый, эгоистичный мерзавец! Как мог ты так со мной поступить?! Надеюсь, твои причины стоили моей жизни!

* * *

«Запись 30. 16 октября 1974 года.

Дорогая Трис. Сегодня ты вышла в сад, и я воспользовался моментом, чтобы оставить для тебя это послание. Боюсь, что время мое пришло. Но я даже рад. Все эти годы я ждал смерти с нетерпением. Ибо устал от мук совести за совершенное грехоубийство. Эти чертовы призраки прошлого свели меня с ума.

Прости, что лишил своей любви, ибо боялся за твою жизнь. Я стал опасен, моя графиня. Я боялся причинить тебе боль. Каждую ночь я надеялся, что она оставит меня в покое, но каждый раз эта душа возвращалась к моей кровати и требовала правосудия за содеянное. Безвинно загубленная жизнь ради отмщения. Я бы хотел тебе все рассказать. Но не могу. Я так устал.

Проливаю кровь не замить никакими молитвами.

Все кончено, Трис. Наше время пришло. Если б я мог все изменить. Своими руками я положил конец нашей жизни. Но я не мог поступить иначе, моя Бедняжка. Они сводили меня с ума. Эти чертовы призраки.

Я не смогу тебе всего рассказать. Моим нотариусом стал дневник, но листы унесло ветром в ту ночь, когда я впервые увидел Его, снимающего шляпу в тени деревьев. Господин Отражение. Он пришел за мной.

Я больше не в силах... страдать... прости...

Прощай Белатрис.

Ты свободна...

С любовью, Себастиан Джонатан Вереск, твой муж».

ГЛАВА 2 ЧТО-ТО ТЕМНОЕ ЗАТАИЛОСЬ ВОН ТАМ ЗА ОКНОМ

Постой-ка, кажется, нас подслушивают. Эти бледные тени на стенах видны даже днем, когда их нельзя услышать человеческим ухом, ибо по сути своей тени остаются немые, будучи порождениями иных измерений, но я точно знаю, что с приходом ночи они обретают дар речи и перешептываются у меня за спиной. Иллюзорные дети хаотичного танца мрака и света. Они подкрадываются, все ближе и ближе, пока я безмолвно качаюсь в своем кресле, недвижимая и отсутствующая, словно музейный экспонат, но стоит им подойти слишком близко, как их аморфные тела растворяются в ярком свете очага. Именно поэтому я зажигаю камин.

– Слишком ярко... – шепчут тени, навсегда покидая пределы нашего мира.

Я люблю смотреть на огонь. Огонь слишком чист, чтобы позволить всякой грязи касаться его. Я не стану оборачиваться, туда, где за моей спиной вырастает длинная мрачная комната. Я знаю ее наизусть, она кончается одиноким окном, и неведомой серостью в нем, будто из недр глубокой осени. Там, в окне, потоки дождя лижут стеклянную гладь, под свинцовым небом Гренвильских полей.

Но тут раздается голос:

– Бедняжка Трис...

Я поднимаюсь и застываю в обороне. Бросаю взгляд на стену, где моими же руками поднимается тень трости, готовая обрушиться на неприятеля в любой момент. Блуждаю взором по углам комнаты в поисках нахального приведения, но вместо призрака на меня смотрит лишь уставшая от десятилетий старинная мебель.

– Ты называл меня так при жизни, – отвечаю я громко. – Но я тебе не бедняжка! Я благородных кровей в отличие от тебя – сына мясника! И Бог свидетель, судьба была жестока ко мне, когда позволила тебе попасть солдатом в королевский гарнизон! Ты ничего не сделал для нас, Себастиан, чтобы вытащить нас из нищеты! Ты...

Трость медленно опускается на пол и приходит понимание всей абсурдности ситуации. Воображение снова сыграло со мной злую шутку.

– Я не стану говорить с призраками.

Ответа, конечно же не последовало.

* * *

Теперь Себастиан в земле, а я готовлюсь отправиться следом за ним. Временами я думаю, какая она из себя, эта госпожа Смерть?

Как бесшумной поступью бродит она по тропинкам сада, и следит за моим окном, пока я безмятежно сплю в своей теплой кровати.

Я нашла Себастиана так далеко от дома с вонзенными пальцами в землю, как будто Смерть тащила его за ногу прямо в могилу.

Бледная леди. Я знаю, что вскоре ты придешь и за мной.

– Последняя осень заберет меня листьями. – Я замечаю себя у окна и еле слышно шепчу: – не даст мне увидеть белые хлопья снега в декабре...

Я бы, наверное, съела себя тяжкими думами в это утро, если бы перед моим окном не появилась внезапная гостья.

Между садовой лейкой и заржавевшим мотоблоком для вспашки земли – тем самым, которым когда-то пытался работать Себастиан, пока не бросил поле, совершенно белая ворона-прохвостка снует с орехом туда-сюда.

– Вороны бывают разные. Уж я-то вас повидала немало. Бывают черные, серые, бурые, а бывают как ты – изгой своего племени – белые. – Смолкаю, а потом заканчиваю мысль: – У нас с тобой общая беда...

Эта ворона словно слышит мои слова. Кроваво-красными глазищами она смотрит прямо на меня. Я настораживаюсь. Ворона тоже.

– А ведь я тебя уже видела однажды, – мой голос становится строже, – на ветке старого дуба, у фонтана, незадолго до убийства принца... – Теперь она с вызовом смотрит мне в глаза, как будто я уличила ее в давнем преступлении, и ни одна из нас не станет уступать. Сухие губы рождают последнюю фразу, которая звучит громоподобно: – Ты птица смерти – Альбинос!

Омерзительный вороний вопль пронзает меня насквозь. Альбинос устремляется к дому на своих лапах, пока не достигает фундамента и не запрыгивает на оконную раму. Птица бьется в стекло до белеющих трещин и сколов. Я вижу красноту рта этой твари, и мне приходится ударить тростью по стеклу, чтобы ее отогнать...

Раздается звонкий удар!

– Хочешь меня склевать? – гневно кричу я. – Пошла прочь!

И она улетает.

Подумать только, такая дурная примета.

Ворона так истоиво билась в окно, как будто почувствовала мертвечину. Как будто я Трис Беладонна уже мертва.

– Я еще жива! – сквозь слезы кричу я в окно. – Не смей смотреть на меня, как на гниющий кусок мяса!

В еле различимом отражении вижу свое обезумевшее лицо и от его вида расстраиваюсь еще больше. Утро безнадежно испорчено.

* * *

Нет счета тем предложениям о выкупе земли, что заполняют почтовый ящик. Трактора все ближе подбираются к моему забору. А звуки застройки цепочки торговых центров, тянувшихся по шоссе, уже доносятся до моих ушей. Но им не понять, что я не покину этого проклятого места, ведь мне тут же придет конец.

Время здесь идет гораздо быстрее – все уже мертвое и старое. И старость тут повсюду. Сам особняк уже сыплется песком мне на голову, а плиты на площади поросли мхом, всюду изломанные ветви, грязные листья и мусор, тропинки, поросшие кустарником, деревья стоят скрюченными, но самое страшное не это, а нечто другое. Несколько дней назад я обнаружила, что по поместью поползли земляные трещины.

И где-то здесь за деревьями в тени ветвистых плетений дикого винограда бродит она – та, что со дня на день, явится за мной на порог. Бледная леди.

* * *

Оглушительный скрип входной двери заставляет меня взяться за висок, и уличный свет заставляет сощурить мои глаза. Должно быть все думают, что старое приведение вышло из своей конуры. Но я больше не стану скрываться в комнате. Я иду навстречу желтому царству листвы. Где повсюду с деревьев капает вода, а дорожки наполняют лужи по самые бордюры. Я вдыхаю воздух полной грудью, сквозь хрипы и свистки, и этот воздух кажется мне невероятно вкусным и свежим... но в следующее мгновение, я снова осознаю, что нахожусь среди брошенного старого поместья совершенно одна.

– Ах, старость, старость, дом старый, как я, как и моя жизнь. Пройдет немного времени и на его месте построят парковку или супермаркет. И никто никогда не узнает о том, что здесь случилось полвека назад...

– Я никогда не смогу покинуть этого места. И здесь никогда не наступит весна. Я не могу припомнить, чтобы здесь наступала весна... Здесь не идет время... Вечная осень и дождь. Я

превращаюсь в приведение, блуждающее между голых деревьев алчи – между кустов шиповника...

– Но я еще, черт возьми, жива!

* * *

Я стою тут на грязной площади усыпанной желтыми листьями, словно последняя фигура на шахматной доске в дымке тумана и запустения, а на меня тарашится троица двуглавых фонарных столбов, давно умерших и обесточенных.

– Отличная погода, господин столб.

– Вы так считаете? – отвечает мне ржавый истукан. – По-моему, без дождей всем стало бы лучше. Лично мне уж точно.

– И мне, – отвечает второй столб.

– И даже мне, – отвечает третий.

– Дожилась, старая Трис, ты уже говоришь со столбами. Чего уж там? Мне больше не с кем поговорить.

Я вижу великана-клена, что будто пальцами обнимает треугольную крышу особняка, на своей памяти я еще помню его совсем молодым саженцем. За эти шестьдесят лет он прилично разросся. У подножия клена стоит машина Себастиана. Она стоит тут вот уже тридцать лет и ржавеет. Прямо под окнами дома.

Некогда желтая, украшенная золотым хромом наградная телега с открытым верхом, подаренная Себастиану, за былые заслуги перед королем. А ныне, ржавеющее корыто – забитое тухлой водой и листьями.

Я подхожу к ней, чтобы разглядеть выгоревшую на солнце кожу салона, провожу рукой по растрескавшейся, словно змеиная шкура, поверхности, и опускаю ладонь на холодный металл, и вспоминаю, как Себастиан, вез нас, по пыльным дорогам Гренвиля, в новую жизнь.

Воспоминания уносят меня в тот день. Я чувствую, как от машины по моим пальцам бегут невидимые потоки энергии, слегка покалывающие.

И вот уже серая мгла осенних просторов, уступает место яркому солнцу 1912 года.

Я снова вижу солнце в высоких небесах рая, как оно осушает зноем июльской жары проселочную дорогу, петляющую между зеленых зарослей кукурузы вплоть до реки Пемзы. Как за несущимся желтым автомобилем клубится завеса дорожной пыли. И ветер трепет мне волосы, еще молодой, но уже титулованной графини Орлианской.

– Где ты его взял? – восклицает та юная особа, которой когда-то была я сама.

– Это подарок короля, – с достоинством отвечает он – королевский гвардеец.

– И за какие заслуги короли нынче одаривают гвардейцев автомобилями?

– Я спас Георга от бивней свирепого кабана, и пусть это стоило мне здоровой ноги, зато я с честью исполнил свой долг!

– Ты настоящий герой...

– Я лично выбирал цвет, моя графиня. Желтый. Как солнце. Он увезет нас в новую жизнь...

Дальше дорога сворачивает вдоль берега реки, открывая нам шикарный вид на работающую в те годы мельницу, окруженную розовыми кустами, аккуратно посаженными женой мельника. И та молодая Трис просит Себастиана остановиться, чтобы одолжить саженцев для оранжереи и, он впервые, отказывается выполнить мою просьбу, задевая мое самолюбие, но вида я тогда не подала.

– Мы не станем останавливаться, моя графиня.

– Но почему?

– Потому что у нас будет собственный садовник, и мы не станем опускаться до просьб перед этими грязными простолудинами.

На этом все.

Ах, если б я знала тогда, что ждет меня за стенами цветущего поместья, которое превратится в гниющую яму забвения. Глупышка Трис уже бежит к воротам, где ее ожидает конный экипаж слуг с телегами мраморных статуй.

Назад дороги нет. Молодая графиня растворяется в воротах поместья Де Беладонна и оно поглощает ее навсегда.

Одергиваю руку от холодного металла.

* * *

– Графиня Орлиянская, – так они называли меня прежде. – А ныне я старая и никому ненужная пенсионерка.

На мгновение я вспоминаю, что Элиза больше никогда не писала мне после той ночи и больше никогда не звала ко двору. Меня не спасли даже письма, которые я посылала ей раз в неделю. Королева оставила мне даже поместье в память о старой дружбе, но больше никогда не выходила со мной на связь.

Знала ли она, что обрекает меня на долгую и мучительную смерть?

Чувства накатывают, и я роняю трость.

Наклоняюсь, чтобы ее поднять, преодолевая боль в пояснице, и вдруг замечаю под машиной пожелтевший листок бумаги, слегка танцующий на ветру. При помощи трости я выгоняю его себе под ноги, чтобы осмотреть. Чернила поплыли от влаги, но текст еще вроде читаем.

– Кажется, я смогу разобрать что там.

– Мой супруг был страшным человеком.

Я еще помню из рассказов Себастиана о его службе на флоте до того дня, как он стал личным гвардейцем короля. Как-то за ужином, в то далекое время, когда наши отношения еще были теплыми, задолго до страшных событий 13 августа 1914 года, он рассказывал мне о зимовке на необитаемых островах в Изумрудном море.

Его команда провела в ледяном плену полтора месяца, потеряв большую часть еды во время путешествия через холодные воды.

– Я чувствую вкус мяса у себя во рту... вкус человечины... съеденной давным-давно голодными моряками призраками. Какие еще тайны скрывает надгробная плита Себастиана? Я должна отыскать все листы из его дневника.

Что-то заставляет меня поднять голову к окнам второго этажа.

Мне кажется, что на меня кто-то смотрит. И хотя в окнах никого не нет, я точно знаю, что Тень – где-то там.

– Где-то там!

Не стану возвращаться в дом. Пришло время мне прогуляться к северной стене, через аллею Статуй к могиле моего супруга. Пора бы его навестить.

* * *

Я все еще пытаюсь идти, как статная леди, стараюсь держать осанку, но старость норовит скрутить меня в бараний рог. Мои уставшие ноги, словно бетонные сваи, ступают по треснувшим от времени плитам, давно позеленевшим от плесени, и будто врастают в них. Внезапный порыв ветра напоминает о скором приближении грозы, и я вижу, как с севера на графство надвигаются синие тучи.

Пахнет подгнившей листвой.

Теперь я иду меж пожелтевших местами выщербленных ветром и дождем статуй – героев древних сказаний: воинов, музыкантов и богинь – покрытых мхом, в трещинах и плюще. А ведь когда-то давно они были девственно белоснежными, и теперь я уже не в силах им помочь, ведь я едва могу позаботиться о себе.

Статуи привезли сюда из усадьбы Себастиана сразу же после переезда. Будучи на королевской службе он выиграл их в карты у одного торговца антиквариатом.

У молчаливых статуй богатая история.

В скором времени их сровняют с землей тракторами. Я точно знаю их дальнейшую судьбу – земля поглотит их так же, как поглотит все за пределами этого забора. Отсюда нет выхода – ни для людей, ни для статуй.

– Здесь обиталище смерти, земля червей и могильная яма...

По правую руку от меня здание погоревшей столовой. Оно напоминает мне о том времени, когда в поместье жила прислуга и, даже, был садовник.

– Кажется, да. Определенно – садовник Эцио! Он рассказывал тогда еще молодой Трис о культурах роз, на южном побережье Черноморья, родом, откуда он был.

От этих мыслей мне хочется улыбаться.

Но лишь на мгновение.

Вскоре денег стало едва хватать на еду, и прислуга ушла. Последней каплей стал несчастный случай с дочерью кухарки – молодой девушкой, которую нашли повешенной на деревянной балке в подвале.

Я помню, как меня разбудили и привели в подвал. Все были напуганы. А кто-то даже сказал, что поместье проклято!

– Мне нечего вам возразить... – ответила я им в тот день, – вы все можете уходить. – А сейчас я смотрю на статую рокосской богини винограда и, словно оправдываюсь: – Мы едва сводили концы с концами.

В то время Себастиан, пробовал работать подмастерьем плотника на рыболовецком судне, а после, и вовсе замкнулся в себе, потому что его гордость не позволяла ему переступить через себя, а старая травма ноги, записаться хотя бы солдатом на границу.

Аристократ или простолюдин, сын мясника в прошлом или бывший разжалованный военный гвардеец короля в недавнем будущем? Он не мог опуститься до промысла простого чернорабочего. Он презирал свое происхождение, и всякий раз выходил из себя, если хоть кто-то напоминал ему о нем. А как-то раз, он ударил собственного брата на рыночной площади, и очень переживал на этот счет. Детали Себастиана не рассказывал, а я и не спрашивала, уж слишком безумным в тот день, было выражение его лица.

В этой глуши работы для аристократа иждивенца попросту не было.

Разве могли мы тогда знать, когда желтый наградной бернц вон ваген мчал нас по пыльным дорогам Гренвиля в направлении новой жизни? Никто не знал. Мы были молоды, знатны и амбициозны. Никто из нас не думал, что мы застрянем здесь навсегда.

Будто пленники нарисованной картины.

* * *

Времена меняются.

Королевская монархия была свергнута и раздавлена железным кулаком революции. К власти пришли простолюдины-крестьяне. Революционеры стали строить новое идеальное общество. Но не прошло и пятнадцати лет, как новую власть с их идеями равенства, сверг сам народ, и началась эпоха капитализма с их купленной демократией.

Новая эра, сперва, принесла свои плоды, а после как это и принято в мире денег, решила все отнять. Сначала нашу землю признали культурным достоянием страны, и мы получали хоть какие-то деньги – жили, на содержании у государства, а потом чиновники просто передумали и обложили поместье налогом, да таким высоким, что я Трис Беладонна ни монеты ни заплатила им из своего кошелька и не собиралась этого делать впредь. Так как поместье было подарком, и я имела на него все дарственные документы, выселить меня, они не смогли.

Но нам с Себастианом пришлось продать большую часть фамильных ценностей, чтобы хоть как-то выжить в то непростое время.

* * *

Наконец я добралась до северной стены, где в яблоневом саду в окружении кустов роз, ныне обнаженных осенью, дремлющих, лежит безмолвный холмик моего супруга.

– Я снова у твоей могилы, мой муж. Теперь ты оставил меня одну... доживать свой век. Я не знаю, что делать с тем временем, которое у меня осталось. Лучше бы я...

Сами собой на глазах проступают слезы. Скатываются по щекам.

– Где-то лежал мой платок. Ах, вот же он.

Я утираю глаза и щеки от мокрых разводов, прежде чем смогу продолжить:

– Лучше бы я ушла раньше. Быть может, я заведу огород или стану разводить кроликов. Не отвечай. Занятие не пристойное для графини – знаю, но сладостная утеха для старухи... Недавно я прочитала журнал «Садовод». Там пишут, что земля есть успокоение для преклонного возраста. Но мы оба знаем, что земля поглотит нас.

– Как смел ты так поступить со мной? Ты оставил меня на растерзание этим стенам, этим пустым тропинкам. Знаешь ты, сколько лет я бродила среди ветвей этих серых яблонь и молила судьбу, чтобы она спасла меня от этого места? Слышишь меня, Себастиан?! Ты же был чокнутым! Все изменилось после твоего возвращения из темницы. Ты стал безумцем! Ты стал тираном! Ты заставил меня прожить жизнь вдаль от людей и общества. Гусеницы с воронами стали моими подругами. Я любила пить чай! И я любила его пить хотя бы в компании своего супруга! А ты лишил меня своего общества, ласки, будто бы это я была виновата в смерти наследника. Это ведь ты его убил! Зачем? Зачем ты это сделал, мерзавец?!

– Мне страшно умирать, мне страшно ночевать в пустом доме. Там на втором этаже кто-то есть. И каждую ночь он дает о себе знать. И я не знаю, как долго он будет сидеть на потолке. Я горела как бабочка двора Елизаветы. За что она сослала меня сюда? Знала ли она, что я останусь здесь навсегда? Была ли она мне подругой или использовала в своих целях, чтобы доверить Сахарный домик надежному лицу? Неужели она была готова отлучить меня со двора, ради того, чтобы ей было, куда приехать потрахаться? Слышишь мерзавец? Потрахаться!

– Мне безразлично, что ты ответишь...

Я поднимаюсь на насыпь, за которой скрывается пруд с темной водой, и растворяюсь в серости этого влажного утра.

* * *

– Я помню, когда-то здесь плавали лебеди... потом утки... потом лягушки... а сейчас... осенние листья и грязь.

Я сажусь на скамейку и устремляю свой взор в серую высь.

Как бесконечно небо, так глубоко и бескрайне оно.

Пронизывающий холод залезает под платье, а следом, перед глазами появляется облако серебряных мушек.

Мне дурно.

Я встаю со скамьи, но внезапный приступ головокружения роняет меня на землю.

Картина в глазах плывет.

Кажется на той стороне пруда обильные заросли орешника.

– Я что-то вижу среди их ветвей. Нет, это не птицы... постойте-ка... пытаюсь разглядеть, но не припомню такой породы...

Мушек перед глазами становится больше.

Многочисленные существа снуют меж веток подобно стрекозам... Одна из них бросается, будто молния, вдоль воды и, облетев меня по кругу, скрывается за плачущей ивой.

– Боженьки мои! – восклицаю я. – Да это же «всамделишные» феи...

Я оступаюсь и падаю в черную воду.

Брызги летят во все стороны.

Я погружаюсь в пучину, и желтые листья прячут под собой мое тело. Здесь только леденящий холод. Я чувствую, как платье сковывает руки и ноги. «Только холод и тьма, будто сама смерть и ничего более». – Через неделю меня найдут в пруду кверху спиной, а затем выловят

длинной палкой и увидят мое разбухшее лицо и глаза как у рыбы, но мне уже будет все равно. Я часть поместья и всегда знала, что умру именно здесь... быть может, в следующий момент.

Но разве я готова к смерти?

Приступ паники подступает все сильнее, по ту сторону воды, на берегу я вижу фигуру женщины с белой вороной на плече, и при взгляде на эту фигуру я испытываю нечеловеческий ужас. Я знаю, кто она. Только сквозь воду не могу разглядеть лица. Цепочные часы. Она показывает мне пальцем на циферблат. А потом обходит пруд по кругу и исчезает за серой дымкой.

Сквозь множество пузырьков воздуха, проступают серебряные лучи солнца. Они как стрелы древнего божества проходят насквозь через водную бездну черноты.

Мое время еще не пришло. Но присутствие Бледной леди, говорит только об одном – что оно уже на исходе.

* * *

«Трис! Трис! Тащите ее скорей! Дорогая! Да не стойте же вы! Я же предупреждал, чтобы ты слишком сильно не наклонялась к лебедям».

«Я не смогу заменить тебе жизнь при дворе! Но я обещаю, что мы соведем здесь уютное гнездышко. К тому же ты теперь графиня Орлянская».

«Оставь меня в покое женщина! Я просто хочу жить на чердаке! Не смей приближаться к моей части дома!»

«Милая Трис, я не настаиваю на том, чтобы ты взяла мою фамилию. Я знаю, как для твоего рода важны формальности».

«Просто оставь меня в покое! Я заработаю денег на судне и увезу нас отсюда!»

«Меня обокрали в порту. Прости. Нам придется продать фамильное зеркало».

«Да, я пьян! И в чем же это я виноват?! Знаешь Трис, а тут и вовсе неплохо. Меня устраивает все как есть! А ты не ценишь того, что имеешь. Другие люди живут и в лачугах на берегу Пемзы, а ты... а тебе... подавай замки...»

Эти голоса пытаются свести меня с ума.

С трудом я выползаю на берег, мокрая как кошка, и долгое время кашляю в приступе рвоты, мои ноги перепачкал черный как смоль ил, он застрял между пальцами ног вместе с ракушками и пиявками, с трудом я взбираюсь на скамью.

И раскрываю рот от изумления, когда вдруг вижу перед собой фею размером с ладонь. Серенькую девушку с изумрудными глазками-бусинками. Фея внимательно смотрит на меня, громко трещит своими крылышками, и улетает куда-то восвояси, не желая больше лицезреть грязную старуху.

* * *

Тяжелый раскат грома обрушивается мне на голову.

Я обнаруживаю себя на скамье с задранной к небу головой.

Внезапный дождь беспощадно терзает мое лицо.

– Как я здесь оказалась? – спрашиваю я себя, и не могу вспомнить ничего, что произошло после выхода на улицу. – Очень зябко. Да я же до нитки промокла.

Я устремляюсь обратно к дому, хлопая в тужельках по лужам, пульсирующим от дробни дождя, трость вязнет в земле, покрываясь комьями с червяками. Их маленькие ротки тянутся к моей плоти. Я пытаюсь их сбросить, но они повсюду, ползут из самой почвы под нестерпимый феерический писк на запах свежего мяса.

Моя нога идет по косою, я поскользываюсь и падаю в грязь. Пытаюсь спешно подняться, но четно. Из тела ушли все силы, а земля будто тянет к себе магнитом.

Отовсюду ползут эти черви. Эти мерзкие черви.

– Пошли прочь!

Я лежу и рыдаю, и рядом некому меня утешить. Эти маленькие пустоголовые твари лишь следуют своему инстинкту, чтобы набить свои маленькие брюшка.

Они знают, что я принадлежу им по праву, и они знают, что с каждым днем я слабею. Таков он закон мироздания.

– Я не нуждаюсь в вашем сострадании!

С трудом я отыскиваю трость, и босоногая, едва удерживая равновесие, скользя ступнями по гладкой земле, продолжаю свой путь к дому.

– Мне нужно срочно в дом. Ибо что-то плохое случится, если я не успею. Я не готова к смерти. Я уже вижу входную дверь. Еще немного! Еще чуть-чуть!

В панике на ощупь я открываю дверь и падаю всем телом на ковер – мокрая и обмякшая, захлопываю дверь ногой и еще долго лежу, хватая губами холодный воздух.

Снаружи слышится гулкий раскат грома.

– Я графиня! Я графиня Орлянская! Даже будучи грязной, даже лежа в грязи, я все равно остаюсь графиней! Я знаю! Что-то черное затаилось вон там за окном...

«Запись 1. 1910 г. Ледяной плен Голодоса.

Мы съели кока – он был самым толстым из нас. Мы просто зажарили кока и съели его. Он был похож на парся, с поджаристой корочкой... эту тайну я унесу с собой в могилу... Адмирал Себастиан Джонатан Вереск».

ГЛАВА 3 КУКЛЫ

Только безмолвные стены моего дома знают, как мне непросто тут приходится. Мне нужно найти себе более разговорчивых собеседников, которые смогут меня понять. Я направляюсь к дубовому шкафу и вытаскиваю из-под него, потертый временем сундук. Из сундука я достаю три куклы. Я хранила их всю жизнь, как бесценный подарок рано умершего отца и, не доставала с момента переезда в особняк. Несмотря на то, что сундук перепачкан вековой пылью, сами куклы сохранились в безупречном состоянии. Они так напоминают мне детство, то беззаботное время, когда я была еще счастлива.

* * *

Я сижу с куклами за столом и раскладываю кубики рафинада по чашкам. Я люблю пить очень горячий чай, мелкими глоточками, прикусывая драгоценный напиток ломтиком хлеба с земляничным вареньем. Я люблю пить чай больше всего на свете, хотя так было не всегда. В детстве, заставить меня выпить чашечку чая, было равносильно наказанию. Но сейчас, я сижу за столом и люблюсь фарфоровым сервизом в ожидании чаепития. Чайник приятно свистит в камине, и мне пора бы его снять.

В приятных хлопотах, я возвращаюсь обратно за стол уже с чайником, где куклы сидят в терпеливом ожидании начала церемонии. Одетые в пышные балльные платья, кружевные чепчики, и у каждой куклы свой неповторимый цвет кукольных глаз.

Дрожащей рукой я разливаю напиток по чашкам. Чашку горячего чая получит каждая кукла. Белый пар приятно вздымается над чайной гладью. Теперь я не одна, а с рыжеволосой Пэтти, светловолосой Бэтти и темноволосой Анфисой.

«Куклы с человеческими волосами».

Теперь у меня есть с кем перекинуться свежей сплетней.

– Сегодня я видела на потолке старика Хариса, девочки. Я бы сказала, что он порядком раздобрел, и если так пойдет, скажу я вам по секрету, наш толстячок, разучится ползать кверху брюхом, – поднимаю ладонь к губам и смешливо шепчу: – Кому-то пора завязывать с молью.

Но куклы не разделяют мою прекрасную сплетню. Возможно, мне стоит перевести разговор на другую тему и прибавить толику остроумия:

– Говорят, в Медланде, современные модницы предпочитают носить мужские штаны вместо платьев, можете себе такое представить? В наше время только кочегарки носили мужские штаны.

Но куклы упорно отказываются мне отвечать.

– Вижу вам вовсе не смешно... – говорю я им. – Что ж. Можно поговорить о погоде. Сегодня отличный денек.

Я направляюсь к окну, чтобы откинуть шторы. В комнате становится светлее.

Куклы сидят, выставив ручки перед собой, будто собираются пить ими чай.

Разговор не клеится.

Я начинаю терять самообладание.

Быть может за годы одиночества, я разучилась вести светские беседы. Я собираю всю волю в кулак и мягким голосом спрашиваю:

– Пэтти милая, как тебе чай?

Но Пэтти молчит.

Тогда я сама поворачиваю голову Пэтти к себе и отвечаю детским голосом: «Спасибо, Трис дорогуша, я очень люблю чай. Он такой вкусный и душистый».

– А тебе, Бэтти? Как тебе чай, милая? – Я заговариваю тем же голосом, но на этот раз стараюсь сделать его писклявым: – Сказать по правде Триси, я больше предпочитаю «кофэ» или горячий шоколад.

– А мне вообще не нравится ваш чай, госпожа графиня, – высокомерно отвечает Анфиса. – Я предпочитаю газированную воду.

– И почему же? Чай благородный напиток аристократов...

– После того как ты вышла замуж за грязного солдафона, ты потеряла всю свою аристократичность, подруга.

От удивления я лишаюсь дара речи.

– Что ты сказала?

А ведь Анфиса права: многие традиции и манеры, я уже давно не использую в быту, а все из-за той жизни, которой я прожила с Себастианом.

– Может быть, конечно и так, но твой тон...

И тут я вдруг очнулась: я действительно говорю с куклой. Я, сперва, не придавала этому значения. Сперва, не придавала. А сейчас пришло озарение – кукла заговорила со мной сама.

* * *

Чашка чая опрокидывается со стола и падает на пол. Я жду, что кукла вот-вот моргнет своими глазами сапфирами, но напрасно. В воздухе повисает такая немая пауза, что впору вешать топор. За нами наблюдают две сонные мухи с потолка, которые, почему-то не думают впадать в спячку. Я вновь смотрю на куклу, ожидая продолжения, но Анфиса больше, не говорит, ни слова. А посему я решаю, что возникший между ними разговор был галлюцинацией.

Но неприятное впечатление осталось. Я испытала настоящий конфуз.

– За грязного солдафона... – рассеяно повторяю я. – Себастиан был лучшим гвардейцем короля, вполне себе достойная партия для графини. И с чего это мое воображение обозвало его грязным? – Минута превращается в вечность, тишина начинает звенеть, и я наконец подвожу итог: – Он был сыном мясника и этим все сказано.

Через стол, в большом старинном зеркале, я вижу старуху, застывшую меня за непристойным для взрослой женщины поведением.

– Ну вот и спятила старая грелка. Играем в куклы.

Я знаю, что до добра такие игры не доведут. В грядущем сумасшествии я не сомневаюсь. Я понимаю, что время мое на исходе и, что мне нужно, как можно скорей исследовать дом, чтобы раскрыть все тайны Себастиана, и возможно отмыть свое имя от грязи. Доказать свою невиновность призракам прошлого, прежде чем уйти на покой.

И теперь заветной целью для меня становится чердак. Ведь именно на чердаке хранятся самые важные ключи-разгадки к той роковой ночи, когда тело убитого наследника было найдено среди гостей, когда свет двора для меня навсегда погас.

Если и есть место, где Себастиан мог хранить свои тайны, то только там. Но я не выходила в другие комнаты вот уже много лет.

Если хорошо подумать, то я бы могла понаблюдать за домом через замочную скважину. Пусть я и старая, но все-таки женщина.

А нам женщинам свойственно любопытство.

* * *

Как гром среди ясного неба раздается звонок в дверь.

Вздрагиваю. Трость выпадает из рук и звонко падает на пол, и катится к черту.

– Кого это там принесло?

Я не жду гостей.

Звонят еще раз! И я снова вздрагиваю.

Перед тем как открыть, я представляю себе гостя. Это может быть почтальон с письмом из королевского замка в Медланде или комиссия, решившая восстановить меня Трис Беладонну, в правах графини. Или возможно нотариус с добрыми вестями о наследстве, которое Себастиан оставил мне на безбедную старость. Вздор! Скорее этот индюк зароет последние гроши под деревом. А может сама королева с извинениями за годы изгнания?

Звонят вновь! На этот раз настойчивей.

Надеясь на добрую встречу, я тороплюсь открыть.

И одариваю гостя самой доброжелательной улыбкой.

И гость отвечает мне тем же.

– Госпожа графиня, какой прекрасный денек, неправда ли? Дожди, наконец, закончились. – Передо мной стоит пухлый мужчина с картофельным носом, одетый в болотный плащ и шляпу.

Живой человек! Первый живой человек за последние две недели после гробовщика Кристофа, но радость моя сменяется печалью, а улыбка полоской разочарования.

Как это не печально признать, но незваный гость из коммунальной службы. Типичный проходимец в поисках легкой наживы.

– Я сделаю вам предложение, от которого вы не сможете отказаться, госпожа Беладонна, – тараторит гость на рекламный манер. – Государство готово заплатить вам компенсацию за выселение и перечислить деньги на счет пансиона для стариков. Ознакомьтесь, пожалуйста, с нашими бумагами.

Мечты разлетаются вдребезги, а настроение тут же портится. Без церемоний я захопываю перед ним дверь.

– Нахал!

Какие уж там комиссии? Моя персона интересна только потерявшим стыд коммунальщикам и риелторам, жаждущих выгодно продать захудалый клочок земли.

– Госпожа Трис! – кричит из-за двери проходимец. Его голос теперь звучит издали: – Мы слишком долго терпим ваше упрямство! Вам лучше принять наше предложение, пока оно есть. Ваша задолженность по налогам настолько велика, что не будь вы в преклонном возрасте, то давно уже мотали срок на Скалистом побережье с конфискацией имущества и штрафом. Это весьма щедрое предложение. Соглашайтесь! Мы подберем для вас лучшее место.

Я прижимаюсь к дверям спиной. Мне хочется, чтобы незваный гость оставил меня в покое, и я решаю, что если не буду отвечать, то он уйдет. А пока тянется томительное ожидание, я разглядываю собственную комнату, и тут мой взгляд падает на соседние слева дубовые резные створы, обитые железными узорами – двери в запертую парадную комнату. На одной створке виднеется замочная скважина, прикрытая ржавым язычком. Что-то таинственное может меня там ожидать.

– Госпожа Трис!

Он снова меня пугает!

– Убирайтесь прочь с моей земли, пока я не спустила на вас собаку!

Надеюсь, что я припугнула его как следует и теперь он уйдет, хотя собаки у меня никогда не было. Теперь я начинаю об этом жалеть...

Снаружи слышится недовольный кашель, а после, инспектор позволяет себе неслыханную вольность:

– Старая карга!

Он думает, что я не только старая, но и глухая. Да кем он себя возомнил?! Какая наглость! Я вижу недопитую чашку чая на столе, беру ее и иду к двери.

– Хотите, чтобы я вам открыла? Сейчас я открою, господин инспектор!

Распахиваю дверь и плескаю чай ему в лицо. Надеюсь, он все еще горячий.

Щеки инспектора вспыхивают огнем, но я не даю ему раскрыть рта:

– Плебейское отродье! Как смеешь ты называть меня каргой? Я графиня Орлианская, фрейлина и любимица королевы! За такие слова в мое время тебя бы сослали на каторгу и отрезали язык, червь! Возвращайся к своим господам плебейам и передай им, чтобы не тратили попусту мое время!

Лицо этого мерзавца искажает страдальческая гримаса. Он вытирает очки и, пытаясь сохранить хладнокровие, говорит через нос:

– Я вас умоляю, госпожа графиня, манерам, так и не научились? Мы живем в свободном мире, где все равны, и если вы этого принять не хотите, то помнится мне, вас, с позором выставили со двора, дав вашей графской особе, извините, хорошего пинка под зад. Так что ваши титулы – мыльный пузырь. Я зайду к вам на следующей неделе, Трис, и надеюсь, вы будете более сговорчивы.

Я смотрю на него с полным презрением. Облокачиваюсь на трость, поднимаю подбородок, и, расставляя паузы, спокойно парирую ответ:

– Я, инспектор... может и потеряла в глазах вашей власти свой титул... но уважение к старшим... еще никто не отменял.

– Всего вам доброго, госпожа графиня, – нахал снимает шляпу и слегка кланяется, при этом он ухмыляется, выказывая полное неуважение.

– Все же, пожалуй, я заведу собаку...

* * *

– Хотят выжить меня со свету. Думают, их никогда не коснется старость. Напыщенный индус. Когда-нибудь и тебя смерть возьмет за шиворот. Тогда ты не будешь так заносчив. Тогда ты узнаешь, каково мне сейчас...

– А ведь и вправду! Почему мне не купить щенка? – Эта идея врывается в мое сознание, словно порыв ветра, и так приходится мне по душе, что я тут же собираюсь в путь, забыв про страхи. – У меня будет собака! И точка!

Перед тем как выйти я все-таки проверяю, что плут ушел восвояси, и выхожу наружу. Я иду по главной тропинке к воротам, через коридор скрюченных яблонь, спотыкаясь о ветки, озябшая, но в приподнятом расположении духа после маленькой победы над миром, вдыхая осенний воздух полной грудью, и только там, у ворот, я начинаю чувствовать, как слабеют ноги.

Погода может испортиться в любой момент. С севера на графство снова надвигаются тучи. Мне предстоит тяжелый путь до остановки автобуса, а после, еще около десяти миль до местного орлианского базара, где бы я могла благополучно купить щенка у цыган: лающего, шумного, лохматого – Пушка.

Но я не решаюсь пойти.

Я стою на дороге между поместьем и пустынным полем, обдуваемая ветром, в пальто нараспашку, словно женщина призрак.

Мир видит меня всем своим небом и требует, чтобы я вернулась обратно в «логово». В обитель сорняка и безвременья. Туда, где забор опутан диким виноградом, где гуляет по аллеям ветер и стоит старый дом.

– Убирайся прочь! – слышу я голос ветра с небес.

И ноги сами ведут меня обратно под своды ржавых ворот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.